

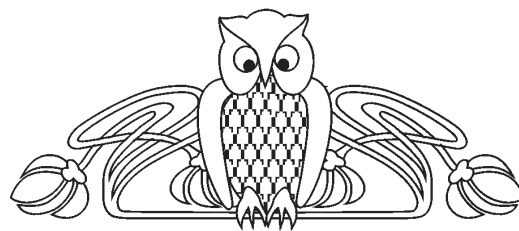

УДК 159.9:78

ДРЕЙФ КОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. Ф. Пантелеев

Пантелеев Александр Федорович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: afr45@mail.ru

Когнитивной основой политической коммуникации является изменение характера познавательной активности в процессе восприятия политического текста. Основным фактором изменения служит дрейф когнитивных стратегий. Проявление дрейфа состоит в изменении баланса стратегии расширения и стратегии углубления в процессе понимания содержания коммуникации. Приведены аргументы в подтверждение психологической реальности дрейфа когнитивных стратегий, выдвинуто предположение о дрейфе когнитивных стратегий как возможном психологическом механизме взаимодействия памяти и мышления. Использован гносеологический принцип дополнительности. Результаты исследования могут быть использованы при анализе политической коммуникации.

Ключевые слова: когнитивная стратегия, понимание, дрейф когнитивных стратегий, политическая коммуникация, принцип дополнительности.

Цель политической коммуникации состоит в изменении когнитивной основы восприятия и понимания информации, имеющей прямое отношение к решению стоящих перед властью задач.

Одной из проблем, возникающих при политической коммуникации, служит несовпадение мировоззрений как «по вертикали» (например, в статусном измерении), так и «по горизонтали» (например, в случае различий в границах одного и того же социального слоя). Необходимым условием результативности коммуникации является «приведение» представлений о политической реальности адресатов коммуникации в единое семантическое пространство. В рамках проблемы коммуникации это сводится к согласованию субъективных условий политического дискурса. К ним относятся сходство не только денотативных характеристик содержания дискурса, но и психологической основы коммуникации, её эмоциональных, рациональных и собственно коммуникативных сторон. Под процессуальной стороной политической коммуникации в рамках поставленной проблемы имеется в виду реализация когнитивной стороны интеракции, обеспечивающей информационное взаимодействие.

Достижение цели политической коммуникацией возможно лишь при наличии понимания. Понимание как итоговая характеристика коммуникации достигается не только за счет сходства тезаурусов сторон – участников процесса, но и

общности когнитивных характеристик переработки информации, целей и способов мышления. Последнее нередко представляется как единомыслие. Единомыслие служит и необходимым условием, и, одновременно с этим, идеальным результатом политической коммуникации.

В политологии эта проблема раскрывается как «переводимость» политического сознания. М. В. Ильин отметил важность возникновения национального словаря и других средств общенационального общения, включая политические институты и их концептуальные модели. По его мнению, достижение полного совпадения маловероятно: «... в практическом приближении никакое политическое сознание не может быть вполне “прозрачно” для любого другого, равно как не может быть абсолютно “темных”, или “непрозрачных”, дискурсов» [1, с. 81].

Регулирование социального поведения как главная цель власти связано с внешними и внутренними факторами воздействия. Внешние регуляторы отличаются тем, что они не могут оказать решающего воздействия на поведение до тех пор, пока внешнее не будет трансформировано во внутреннее, не возникнет адекватная основа для принятия решения. Содержание политической коммуникации влияет на сознание индивида не непосредственно, а через психологические механизмы его интериоризации. Внешняя детерминация реализуется не напрямую, а через внутреннее содержание, т.е. действенность социальных регуляторов заключена не в факте их существования, а в готовности индивида к их принятию. Без принятия мер, направленных на повышение готовности, социальные регуляторы не имеют смысла. Если цели политической коммуникации достигаются, то в обществе становится возможной ситуация психолого-политической стабильности, согласия или, по меньшей мере, нейтралитета в отношениях власти и социума в целом. Смысл такой стабильности, как следует из сказанного, состоит не столько в наличии или отсутствии выступлений против власть, сколько в готовности к принятию внешних социальных регуляторов. Можно привести в качестве примера беспорядки

во Франции 2012 г. с участием выходцев их стран Африки: было разбито множество витрин, перевернуто и сожжено большое число автомобилей и т.п., однако не было ни одного более или менее серьезно пострадавшего.

Ответ на вопрос «Что интериоризируется?» является ключевым для раскрытия когнитивных механизмов результативной политической коммуникации.

Одним из принципов гносеологии, о котором писал Н. Бор, является принцип дополнительности [2]. Н. Бор утверждал, что его применение в психологии возможно, хотя и отличается от применения в атомной физике. Сущность этого принципа состоит в следующем: если возникает необходимость интерпретации данных об объекте, неотделимых по той или иной причине от наблюдателя, то толкование этих данных возможно на основе различных, взаимно исключающих представлений. Как следует из логики рассуждений Н. Бора, взаимно исключающие представления исходят от различных (независимых) наблюдателей. С позиции Н. Бора, основой для согласования этих представлений служит фундаментальное, идущее от А. Эйнштейна, положение о единстве релятивистской картины мира. Применительно к анализу когнитивных аспектов политической коммуникации это означает, что раскрытие многосложных отношений и связей внутри изучаемого объекта и получение обобщенного представления о психологических механизмах его функционирования возможно при соблюдении нескольких условий. К первому из них следует отнести степень взаимной удаленности (независимости) «наблюдателей»: чем дальше они отстоят в каком-либо измерении, тем более оправданным будет применение принципа дополнительности. Второе условие – внеэкспериментальный характер данных для истолкования. Это связано с тем, что логика психологического эксперимента едина, как и сходны между собой регистрируемые параметры. Жесткий каркас экспериментального метода (заметим: при слабой надежде на его успешную реализацию применительно к исследуемому объекту) априори моделирует истолкование.

В целях реализации принципа дополнительности считаем возможным допустить следующее: «уравниваются в правах» как результаты экспериментальных исследований, так и описания эффектов политической коммуникации в других, помимо психологии, областях знания, литературы, кинематографии. Понятие эффекта раскрывается как доступность для наблюдения и описания поведенческих актов, причиной которых могла послужить интериоризация содержания коммуникации. Поскольку коммуникация может быть представлена как текстовая реаль-

ность, текст, то интериоризация его структуры представляется нам как наиболее вероятный предмет этого процесса.

М. К. Мамардашвили [3] указывает на следующее, важное для обсуждаемой проблемы обстоятельство: раскрывая сущность происходящего в сознании, К. Маркс ввел следующую абстракцию: в промежуток между двумя членами отношения «объект (знак социальных значений) – человеческая субъективность» была включена система общественных связей, обмен деятельностью между людьми. Был раскрыт квазипредметный характер сознания и введена абстракция, позволяющая анализировать сознание как превращение предметов в квазипредметные образования, отвлеченно от процессов, происходящих во внутреннем мире субъекта. Поддающийся описанию поведенческий акт может быть представлен как квазипредметное образование, дающее возможность анализа процессов, происходящих в когнитивной сфере. Различие предметности и квазипредметности состоит в том, что предмет в качестве элемента объективной реальности как таковой неизменен, возникающий в результате переработки информации о предмете субъективный образ, новый/относительно новый элемент внутреннего мира человека является квазипредметом. Отношение между предметной и квазипредметной реальностями неустойчиво, вплоть до относительной независимости одной реальности от другой. Сложившаяся в результате понимания конкретным субъектом структура политического текста (или, шире, – структура содержания политической коммуникации как текстовой реальности) по своей сущности также квазипредметна. Политический текст квазипредметен и по другой причине – поскольку относится не реальности как таковой, а к выраженной реальности, о которой писал А. Ф. Лосев [4]. Особенность выраженной реальности в том, что она заставляет образ самим фактом своего существования постоянно меняться, динамизирует его, превращает его в актора.

Интериоризируется квазипредметное, а не предметное содержание. Именно квазипредметность характера интериоризированного содержания создает возможность его произвольного или непроизвольного изменения. Следует отметить имеющий принципиальное значение для обсуждения момент, связанный с преувеличением роли доминирования внутренних позиций и отношений в раскрытии феномена понимания. Нельзя игнорировать предметно-социальный характер познания, а также тот факт, что общность когнитивного тезауруса нуждается в соблюдении «надиндивидуальных» (термин С. Л. Франка) требований в качестве регуляторов познания.

Понимание текста, отражающего содержание политической коммуникации, является

необходимым и достаточным условием её действительности. В нашей работе [5], посвященной феноменологии когнитивных стратегий, на разнообразном экспериментальном материале было показано, что существование двух основных когнитивных стратегий – расширения и углубления – является характеристикой познавательной активности субъекта при понимании и запоминании логически организованного текста. Анализ политических речей Ленина, Рузвельта, Черчилля, Сталина, Геббельса и др. указывает на то, что все их тексты организованы по логическому принципу. Это связано с тем, что цель политика заключается, в первую очередь, в убеждении слушателей в правильности (как вариант – справедливости) политического посыла, а убеждение – это обращение к рациональному, который имеет логическую основу. Поскольку логически организованный текст в ходе его понимания предполагает реализацию обеих когнитивных стратегий, а актуализация каждой из них связана с характером текста, то особенность текста можно рассматривать как средство управления когнитивными стратегиями. Введение дополнительных элементов описания в объяснительный в целом текст создает условия для актуализации стратегии расширения, дополнительный элемент объяснения в описательный в целом текст – стратегии углубления. Результаты проведенных нами исследований подтверждают метакогнитивный характер когнитивных стратегий, возможность их включения в число метапроцедур понимания текста.

Преимущественная актуализация какой-либо метапроцедуры применительно к конкретной познавательной ситуации, а политическая коммуникация является именно такой, не может не вызвать эффекта научения, хотя бы в силу свойственного пропаганде повторения. Эффект научения, в свою очередь, создает условия (формирует готовность) для преимущественной актуализации какой-либо стратегии не столько в силу объективных особенностей познавательной ситуации, сколько в связи характером предыдущей познавательной активности. Этот феномен можно охарактеризовать как дрейф когнитивных стратегий. Известно, что значение слова «дрейф» заключается в констатации произвольного движения под воздействием ветра, течения, т.е. внешних, не зависящих от дрейфующего объекта факторов. Классическим примером подобного научения можно считать феномен, названный Р. Мертоном самоисполняющимся пророчеством [6]. Сущность его состоит в том, что сложившееся в обществе в виде предсказания или пророчества представление о ситуации оказывает влияние на последующие события. Оно может быть изначально ложным, но вызывает новое поведение, которое делает это представление истинным.

Приведем примеры дрейфа когнитивных стратегий в политической коммуникации. В одном из интервью директор социологического Левада-центра Л. Гудков высказался по поводу присвоения статуса иностранных агентов общественным организациям, получающим финансовую поддержку из-за рубежа. Нужно заметить, что принятие закона об иностранных агентах сопровождалось информационной кампанией в СМИ, направленной в поддержку этого закона, причем коммуникация имела ярко выраженный политический характер. Для Левада-центра, ведущего научные исследования, не связанные с политической сферой и нередко за счет грантов из-за рубежа, принятие закона означает невозможность дальнейшей научно-исследовательской деятельности. Л. Гудков отметил, что клеймо агента (ассоциируемое в массовом сознании со шпионом) не перевесит того факта, что Левада-центр известен в мире как солидная организация, так как идет массированная и эффективная пропаганда: «Спорить можно с очень ограниченным кругом более информированной и образованной аудитории, сидящей в Интернете, но в целом страна сидит в телевизоре» [7]. М. Веллер в одной из передач на радиостанции «Эхо Москвы» объяснил использование властью слова «агент» (в контексте «иностранный агент») следующим образом: власть, по его мнению, знает, с чем связывается слово «агент», цель – обыграть эту связь для того, чтобы возникло мнение: все, кто против власти – иностранные агенты. М. Веллером приведен также пример Леннарта Мери, бывшего писателя, Президента Эстонской республики: его обвинили в связи с КГБ в период до 1990 г. Как выяснилось, основой приписывания послужило содержание публикации, где рядом оказались слова «Л. Мери» и «агент»; позднее выяснилось, что речь шла о литературном агенте Л. Мери, который был сотрудником КГБ, хотя его работы с Л. Мери это не касалось [8].

Сопоставим несколько фактов, имеющих отношение к Германии. 30 января 1933 г. в речи А. Гитлера была высказана мысль о том, что ему выпала миссия спасти Германию и весь мир от угрозы большевизма. Речь Геббельса от 18 февраля 1943 г. содержит ту же мысль. Геббельс после Сталинградской битвы хотел воодушевить немецкий народ, поднять в нём боевой дух. Было сказано: «...Немецкая армия и её союзники – это единственно возможная защита. Мы <...> предостерегали весь мир <...> пытались открыть им глаза на страшную опасность, исходящую от восточного большевизма <...> Когда Фюрер приказал армии атаковать восток 22 июня 1941 года, мы все знали, что это будет решающая битва этой великой борьбы <...> Дальнейшее выжидание запросто мог-

ло привести к уничтожению Рейха и полной большевизации европейского континента» [9]. Один из основных моментов – предотвращение угрозы большевизма для Европы, за которым кроется мысль о единстве интересов Германии и её западноевропейских противников. В художественном фильме «Das Boot» режиссера В. Петерсена (киностудия Colambia Pictures; Bavaria Film, 1981 г.), посвященном описанию участия во Второй мировой войне экипажа подводной лодки, содержится несколько заслуживающих внимания эпизодов. В начале фильма, когда лодка выходит в плавание из акватории базы, звучит немецкий марш, который затем, по настоянию командира, сменяется английской маршевой песней «Типперери». Звучит эта песня и в конце фильма, когда лодка после похода, едва избежав гибели, возвращается в гавань. В финале фильма бомбящие базу самолеты и уничтожающие лодку и её экипаж, не имеют на крыльях опознавательных знаков. База находилась во Франции, в Ла Рошели, и бомбить лодку могли лишь самолеты США или Великобритании.

Далее, в телефильме «Наши матери, наши отцы» производства студии «ZDF und Teamwox» 2013 г., посвященном войне Германии на восточном фронте 1941–1945 гг., есть характерный эпизод. Рядовой Фридрих, бывший в начале войны плохим солдатом, в конце войны становится подлинным воином. Когда война закончилась, военные Красной армии извещают о конце войны остатки вермахта, не стреляют, несмотря на то, что немцы вооружены. Фридрих, видя, что его однополчане сдаются, идет под пулемётный огонь и героически погибает. Характерно, что в этот момент происходит преобразование оборванного Фридриха в «железного», одетого по форме, сурового воина, воина боевого духа. Следует заметить, что и в первом, и во втором из названных фильмов вина в поражении возлагается на высшее командование. Создатели фильма, они же – наблюдатели (в понимании их роли согласно принципу дополнительности), так видят ситуацию, так преподносят её зрителю. Именно это видение и отражает феномен дрейфа когнитивных стратегий. Активно поддерживаемая официальной пропагандой и властью ФРГ идея вины Германии во Второй мировой войне не получила развития в фильме, не была углублена, были высказаны и проиллюстрированы другие идеи – о страданиях немецкого солдата, его героизме, бездарности командования, жертве Германии, принесенной при защите западных ценностей от агрессии со стороны большевизма. Желание авторов фильмов по-новому раскрыть тему Второй мировой войны (а именно это мы считаем стимулирующим дрейф обстоятельством) материализовалось в направленности отмеченных нами эпизодов.

Фильмы вышли на экраны кино и телевидения, став тем самым элементом не только художественной, но и политической реальности и превратившись, в известной степени, в то, что в христианстве названо искушением. В. К. Кантор в одной из работ, посвященных анализу творчества Ф. М. Достоевского, заметил, что искушению поддаются не только люди, но и целые нации, причем искушать можно далеко не всех, а лишь тех, кто ищет спасения: «...мучения испытывают только согрешившие праведники. Значит, искушать можно лишь людей, выискующих высшей, духовной и нравственной жизни» [10, с. 224].

Характер ситуации, в которой происходит интериоризация действия структурирования политической коммуникации, оказывает влияние на глубину проявления дрейфа коммуникативных стратегий. Приведем в качестве примеров наблюдения участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Д. Панов утверждает, что в начале войны немцами из-за близости наших складов к государственной границе было захвачено множество военной техники, продовольствия, боеприпасов. Причиной ошибки была вера стратегов в пропагандистскую идею о первом сокрушительном ударе и войне на чужой территории. Автор замечает, что пропаганда имеет свойство воздействовать не только на умы тех, на кого она рассчитана, но и на ее создателей [11]. Эту же мысль высказал и другой участник войны – известный искусствовед Н. Н. Никулин, утверждавший, что много вреда нанесли авторы дивизионных газет, писавшие материалы, не отражавшие действительность, причем сами же корреспонденты к этой лжи привыкали [12].

Авторитарный характер власти, связанный с необходимостью компенсации отсутствия для общества альтернатив принятия политических решений, порождает специфический способ структурирования политической коммуникации. В. В. Познер приводит такой пример: ему нужно было разрешение на возвращение в СССР, однако его не давали. Он побеседовал с дочерью Верховного комиссара, которая посоветовала ему написать письмо Сталину. В ответ на вопрос о знании вождем английского языка собеседница сказала, что товарищ Сталин все знает, иначе как бы он общался с Рузвельтом, Черчиллем... [13]. Вероятной психологической причиной достижения описанного эффекта политической коммуникации, который может быть обозначен как «Сталин все знает и все может», способен послужить именно дрейф когнитивных стратегий. Его проявление в данном случае состоит в том, что каждое упоминание о достижениях (победах) связывалось с именем Сталина, т.е. структура политического текста имела описательный характер, ориентированный на реализацию стра-

тегии расширения. Не допускалось более глубокое осмысливание ситуации. В приведенном примере: так как Сталин имел низкий уровень образования, то подразумеваемый ответ на вопрос о том, что он мог в силу этого и не знать английский язык, стимулировал бы развитие мысли за счет реализации стратегии углубления, но такой ответ оказался невозможным в связи с отсутствием самого вопроса.

Аналогичным образом могут быть интерпретированы и все приведенные выше примеры. Применение принципа дополнительнойности позволяет высказать предположение, что дрейф когнитивных стратегий является одним из возможных психологических механизмов взаимодействия между памятью человека и его мышлением. Два указанных процесса, имеющих характерные особенности и закономерности, сосуществуют и взаимодействуют в рамках единой познавательной деятельности, однако реализация стратегии расширения в большей мере стимулирует работу памяти, реализация стратегии углубления – мышления. Реализация стратегии расширения фактически ограничивает мышление, приводя к переключению на все более новые и новые объекты или стороны одного объекта, реализация стратегии углубления, в свою очередь, ограничивает диапазон воспоминаний. Динамичный дрейф когнитивных стратегий обеспечивает совместную работу мышления и памяти в процессе познания, поэтому он и может рассматриваться как возможный психологический механизм взаимодействия названных познавательных процессов. Нужно заметить, что выраженное доминирование одной из стратегий изменяет организацию познавательного процесса – метафорически это можно охарактеризовать так: либо человек «не видит за деревьями леса» (снижение уровня

функционирования мышления), либо он «дальше своего носа ничего не видит» (снижение уровня функционирования памяти).

Список литературы

1. Ильин М. В. Умножение идеологий или проблема «переводимости» политического сознания // *Полис*. 1997. № 4. С. 79–87.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. 152 с.
3. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // *Вопр. философии*. 1968. № 6. С. 14–25.
4. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. М., 2008. 576 с.
5. Пантелеев А. Ф. Когнитивные стратегии : феноменология // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 88–93.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 880 с.
7. Просвирина О. Социологию объявили иностранным агентом. URL: <http://old.novayagazeta.ru/data/2013/054/00.html> (дата обращения: 22.05.2013).
8. Веллер М. Передача «Особое мнение» 2013. 30 апр. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1064272-echo/> (дата обращения: 2.05.2013).
9. Goebbels J. Nation, Rise Up, and Let the Storm Break Loose! Речь, произнесенная в берлинском Дворце спорта 18 февраля 1943 года / пер. с англ. П. Хедрука, 2007. URL: <http://hedrook.vho.org/library/goebbels4.htm> (дата обращения: 6.03.2013).
10. Кантор В. К. Судить Божью тварь. Пророческий пафос Достоевского : очерки. М., 2010. 424 с.
11. Панов Д. Русские на снегу : судьба человека на фоне исторической метели. Львов, 2003. 365 с.
12. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. 244 с.
13. Познер В. В. Прощание с иллюзиями. М., 2013. 496 с.

Cognitive Strategies Drift in Political Communication

F. Panteleev

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: afp45@mail.ru

The cognitive basis of the political communication is the alteration of the learning activity pattern in the process of a political text perception. The main factor of the alteration is the cognitive strategies drift. The drift takes place when the balance of the expansion strategy and the deepening strategy in the understanding process of the communication content changes. The arguments in support of psychological reality of the cognitive strategies drift are given; a suggestion of the cognitive strategies drift being a possible psychological device of memory and thinking interaction is made. Gnoseological complementary principle is used. The results of the research can be used in the analysis of political communication.

Key words: cognitive strategy, understanding, drift of cognitive strategies, political communication, complementary principle.

References

1. Ilin M. V. *Umnozhenie ideologii ili problema «perevodimosti» politicheskogo soznaniya* (Multiplication of ideologies or the problem of «transferability» of political consciousness). *Polis*, 1997, no. 4, pp. 79–87.
2. Bohr N. *Atomic Physics and Human Knowledge*. New York, 1958. 112 p. (Russ. ed.: *Atomnaja fizika i*

- chelovecheskoe poznanie*. Moscow, 1961. 152 p.).
3. Mamardashvili M. K. *Analiz soznaniya v rabotah Marksa* (Analysis of Consciousness in the Works of Marx). *Voprosy filosofii* (Problems of philosophy), 1968, no. 6, pp. 14–25.
  4. Losev A. F. *Veshch i imia. Samoe samo*. (Thing and Name. Most of Itself). Moscow, 2008. 576 p.
  5. Panteleev A. F. *Kognitivny'e strategii: fenomenologiya* (Cognitive Strategies: Phenomenology). *Izv. Saratov. un-ta. New ser. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2012, vol. 4, iss. 4, pp. 88–93.
  6. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. N.Y.; L., 1968. 816 p. (Russ. ed.: Merton R. *Sotsialnaya teoriya I sotsialnaya struktura*. Moscow, 2006. 880 p.).
  7. Prosvirova O. *Sotciologiiu objavili inostrannym agentom* (Sociology is Announced a Foreign Agent), available at: <http://old.novayagazeta.ru/data/2013/054/00.html>
  8. Weller M. *Peredacha «Osoboe mnenie» ot 2013*. 30 apr. (Minority Report), available at: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1064272-echo/>
  9. Goebbels J. *Nation, Rise Up, and Let the Storm Break Loose! Speech delivered at the Berlin Sports Palace February 18, 1943*, available at: <http://hedrook.vho.org/library/goebbels4.htm>
  10. Cantor V. K. *Sudit Bozhiu tvar. Prorocheskiy pafos Dostoevskogo: ocherki* (To judge God's creation. Dostoyevsky's prophetic pathos: Essays). Moscow, 2010. 424 p.
  11. Panov D. *Russkie na snegu: sudba cheloveka na fone istoricheskoy meteli* (Russian in the snow: the fate of the man on a background of historical storms). Lviv, 2003. 365 p.
  12. Nikulin N. N. *Vospominaniya o voine* (Memories of the war). St. Petersburg, 2008. 244 p.
  13. Posner V. V. *Proshchanie s illiuziyami* (Farewell with illusions). Moscow, 2013. 496 p.

УДК 159.9.072

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГРУППЕ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ

Н. А. Польская

Польская Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии личности, Саратовский государственный университет
E-mail: polskayana@yandex.ru

В статье обсуждаются результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности в группе осужденных с коморбидной патологией (ВИЧ-инфекция и туберкулез). В исследовании использованы методики: ЭМИн (Д. В. Люсина), новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности НТН (Т. В. Корниловой). Осужденные, больные ВИЧ-инфекцией и туберкулезом, имеют статистически значимые отличия от контрольной группы по двум переменным: межличностному эмоциональному интеллекту и пониманию эмоций. Выявлены статистически достоверные взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и толерантности-интолерантности к неопределенности: высокий уровень эмоционального интеллекта поддерживается высокими значениями толерантности и интолерантности к неопределенности; высокий уровень межличностной интолерантности связан с низкими значениями эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности, осужденные с коморбидной патологией (ВИЧ-инфекция и туберкулез).

Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения влияния социально опасного заболевания и ситуации двойной изоляции (на-

хождение в местах лишения свободы и изоляции от здоровых людей) на регулятивные эмоциональные и личностные способности. В качестве конструктов, определяющих характер и особенности саморегуляции, в данном исследовании выступают эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности. Под эмоциональным интеллектом подразумевается способность к пониманию и управлению эмоциями [1], «способность выносить правильные решения, основываясь на эмоциях, и способность использовать эмоции для повышения эффективности мышления» [2, с. 527].

Толерантность к неопределенности понимается как эмоциональная и перцептивная личностная переменная [3], отражающая устойчивость личности к неопределенности, изменчивости, способность «принимать конфликт и напряжение» [4, с. 74], вызванные как субъективными переживаниями, так и объективными событиями, будущим, отношениями с другими людьми и т.п. Интолерантность к неопределенности представляет собой неприятие неопределенности, как стрессогенной и вызывающей негативные